

Научная статья

УДК 001.2:7:378

DOI: 10.36871/hon.202303006

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД: РОЛЬ ИСКУССТВА В ОБРАЗОВАНИИ И НАУКЕ

*Наталья Анатольевна Винокурова¹,
Ольга Марковна Табачникова²*

¹ Центральный экономико-математический институт Российской академии наук
117418, Российская Федерация, Москва, Нахимовский проспект, 47

² Университет Центрального Ланкашира PR1 2HE, Престон, Великобритания

¹ vinokurova@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-7177-4909

² otabachnikova@uclan.ac.uk, ORCID: 0000-0003-2622-6713

Статья посвящена не только и не столько полностью оправданной необходимости углубленного изучения всех видов искусств и внедрения художественных практик в образование, сколько обсуждению продуктивности междисциплинарного подхода как в педагогической практике, так и в научной деятельности, в сфере гуманитарных наук, привлечению искусства как ресурса в научный дискурс. Именно в этом смысле мы употребляем в данном контексте понятие междисциплинарности. Если говорить об искусстве (включая сюда и художественную литературу), то при всех очевидных преимуществах такого междисциплинарного подхода на практике его интегрированность в педагогический и научный процессы остается весьма далекой от совершенства, особенно в системе российского образования. То же самое наблюдается и в науке, где искусство, как правило, не берется в расчет, оставаясь неким чуждым, инородным телом в системе научных изысканий. В данной работе мы пытаемся показать на различных примерах, что искусство — это богатейший образовательный и научный ресурс, способный дать неоценимые результаты, вплоть до открытия новых неожиданных горизонтов

Ключевые слова: искусство, междисциплинарность, гуманитарные науки, художественная литература

Для цитирования: Винокурова Н. А., Табачникова О. М. Междисциплинарный подход: роль искусства в образовании и науке // Художественное образование и наука. 2023. № 3 (36). С. 6–15. <https://doi.org/10.36871/hon.202303006>

Original article

INTERDISCIPLINARY APPROACH: THE ROLE OF ART IN SCIENCE AND EDUCATION

Natalia A. Vinokurova¹, Olga M. Tabachnikova²

¹ Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences
47 Nakhimovsky prospect, Moscow, 117418, Russian Federation

² University of Central Lancashire
PR1 2HE Preston, Lancashire, United Kingdom

¹ vinokurova@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-7177-4909

² otabachnikova@uclan.ac.uk, ORCID: 0000-0003-2622-6713

The article is devoted not only and not so much to the fully justified need for an in-depth study of all types of arts and an integration of artistic practices into education, but rather to a discussion of the productivity of an interdisciplinary approach both in pedagogical practice and in scientific activity in the humanities. More precisely, we focus on the problem of engaging art as a resource for scientific discourse. It is in this sense that the notion of interdisciplinarity is used. Speaking specifically about art including works of fiction, for all the obvious advantages of such an interdisciplinary approach, in practice its integration into the pedagogical and scientific process remains far from perfect, especially in the Russian education system. The same is observed in science, where art, as a rule, is not taken into account, remaining alien in the system of academic research. In this paper, we attempt to show, using various examples, that art is a rich educational and scientific resource that can yield invaluable results, and even open up new unexpected horizons.

Keywords: art, interdisciplinarity, humanities, fiction

For citation: Vinokurova N. A., Tabachnikova O. M. Interdisciplinary Approach: the Role of Art in Science and Education. *Khudozhestvennoe obrazovanie i nauka [Arts Education and Science]*. 2023, no. 3 (36). P. 6–15. <https://doi.org/10.36871/hon.202303006> (In Russian)

ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Как в России, так и за рубежом было написано множество книг и статей о разнообразных преимуществах внедрения искусства в педагогические практики. При этом, как правило, особая роль уделяется и самому художественному образованию как дисциплине (на Западе *Art* — «Искусство» — традиционно существует как отдельный синтезированный предмет), и проблемам преподавания этой дисциплины. В этой связи в западной педагогике различают три направления:

- искусство как учебный предмет (*Arts as curriculum*), когда искусство само является предметом и целью обучения;
- учебная программа с вовлечением искусства (*Arts-enhanced curriculum*), то есть подход, при котором искусство не самоцель, а способ или стратегия для изучения других предметов (например, привлечение музыки для запоминания текстов);

- интеграция искусства в образование (*Art integration*), то есть использование художественных концепций при изучении других дисциплин, в результате чего учащиеся могут лучше понять материал, а также развить такие навыки, как эмпатия и понимание другого¹.

Однако, как было отмечено выше, наша статья посвящена не только и не столько полностью оправданной необходимости углубленного изучения всех видов искусств и внедрения художественных практик в об-

¹ Исследование, опубликованное Людвигом, Бойлем и Линдси в 2017 году определяет интеграцию искусства «как стратегию, призванную связать развитие навыков и концепций в искусстве с навыками и концепциями из других изучаемых дисциплин с помощью различных видов деятельности на уроке». См. *Meredith J. Ludwig, Andrea Boyle and Jim Lindsay «Review of Evidence: Arts Integration Research Through the Lens of the Every Student Succeeds Act», American Institutes for Research, 2017.*

разование², сколько обсуждению продуктивности междисциплинарного подхода как в педагогической практике, так и в научной деятельности, в сфере гуманитарных наук, привлечению искусства как ресурса в научный дискурс. Именно в этом смысле мы будем говорить здесь о междисциплинарности.

Как рассуждает Юлия Бушмакина на примере исторической науки, «современное историческое знание — сфера междисциплинарных исследований, где используются теоретические и практические достижения гуманитарных, социальных, точных и даже естественных наук. История ввиду специфики объекта своего исследования всегда взаимодействует со смежными дисциплинами, выступает как интегральная наука, но междисциплинарный подход становится парадигмой исторического исследования лишь в 1960-х годах». При этом, как утверждает исследовательница, «на протяжении второй половины XX – начала XXI века менялась не только форма междисциплинарного взаимодействия, но и степень интеграции дисциплин. Анализ существующих форм междисциплинарной кооперации применительно к историческим исследованиям позволил выявить потенциал и ограничения взаимодействия истории с социогуманитарными и естественнонаучными дисциплинами» [2]. Однако, если говорить именно об искусстве, то при всех очевидных преимуществах такого междисциплинарного подхода на практике его интегрированность в педагогический и научный процессы остается весьма далека от совершенства, особенно в системе российского образования. Действительно, в школе при изучении истории преподается именно история, а, скажем, художественная литература используется в этом контексте весьма нечасто, ибо для этого существует отдельный предмет — литература. То же самое наблюдается и в науке, где искусство, как правило, не берется в расчет, оставаясь неким чуждым, инородным телом в системе научных изысканий. В данной работе мы попытаемся показать, что искусство — это богатейший образовательный и научный ресурс, спо-

собный дать неоценимые результаты, вплоть до открытия новых неожиданных горизонтов.

ИСКУССТВО И НАУКА. ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Теории познания, понимание природы и механизмов работы человеческого мозга все еще находятся в зародышевом состоянии. Тысячелетия истории человека как вида едва ли приподняли завесу тайны нашего сознания, тайну совести. Более того, как писал Лев Шестов, «мы живем, окруженные бесконечным множеством тайн. Но как ни загадочны окружающие бытие тайны — самое загадочное и тревожное, что тайна вообще существует, что мы как бы окончательно и навсегда отрезаны от истоков и начал жизни» [13].

До сих пор считаются известными три типа познания: рассудочный (аналитический), интуитивный и путь библейских пророков (то есть путь откровения). С ранних лет, когда мы учимся в школе, нас приучают разделять язык науки и язык искусства. Принято считать, что в науке главенствует рассудочный тип познания, тогда как искусство основано на интуиции (причем гениям бывает доступен также и язык откровения). Отсюда и живущее в веках упорное убеждение, лаконично выраженное мыслителем XVIII века Иоганном Георгом Гаманом, что «Бог — поэт, а не геометр» [цит. по: 14, 40]. Однако для находящихся на вершинах человеческого духа и человеческого разума (для великих ученых, равно как и великих художников) очевидно, что наука и искусство — одного корня: и то, и другое требует максимальной отдачи, максимальной вовлеченности и ума, и воображения, и интуиции. Хорошо известна реакция великого математика Давида Гильберта, который, узнав, что один из его учеников бросил математику, чтобы стать поэтом, воскликнул: «Это отличная новость, потому что для математика у него все равно не хватало воображения!» [16, 151].

Верно и обратное, о чем размышлял Чехов, считая, что интуиция художника подчас стоит ума ученого; их цели и природа совпадают [11, 28–31]³. Профессор физики Яков

² Из многочисленных отечественных примеров, обосновывающих ценность такого подхода, см. например, Т. А. Уварова «Развивающие возможности искусства в контексте современного образовательного процесса»: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvivayushchie-vozmozhnosti-iskusstva-v-kontekste-sovremennoogo-obrazovatel'nogo-protsesssa/viewer>, где, в частности, речь идет о задействовании среди прочего и технологии «диалога культур» (В. С. Библер, С. Ю. Курганов и др.).

³ Из черновика письма Чехова Григоровичу от 12 февраля 1887 г. Точная цитата звучит следующим образом: «чутье художника стоит иногда мозгов ученого, [...] и то и другое имеют одни цели, одну природу, и [...] быть может, со временем при совершенстве методов [...] им суждено слиться вместе в гигантскую чудовищную силу, которую трудно теперь и представить себе».

Гегузин иллюстрирует это в своих лекциях о жизни капли, делая постоянные отсылки к художественной литературе. В частности, объясняя техническим языком кристаллофизики механизм того, как капля может разрушить твердый кристалл, камень, он цитирует строки французского поэта Раймона Кено, описывающие это явление, а затем комментирует: «Неужели поэт, далекий от физики жидкостей и кристаллов, понимает, что росинка может порвать скалу? [...] А быть может, это изощренная интуиция, когда правда, минуя логическое осмысление, просится в строку? Вот уж действительно путь поэтической мысли и истоки поэтического образа трудно исповедимы!» [8, 120]. Сказанное не отменяет утверждения Гете, что (естественная) наука ничего не дает в нравственной сфере [18, 132]⁴. Но как только мы начинаем говорить об общественных науках, и прежде всего о социологии, обществоведении или истории, то здесь вопросы нравственные, мировоззренческие, личностные, затрагивающие не столько природные явления, сколько жизнь индивида, являются важными, а иногда и ключевыми. Это значит, что обращение к искусству здесь, по сути, неизбежно, ибо именно искусство способно наиболее эффективно решать для человека личностные, и прежде всего нравственные, задачи.

Английский литературовед Ричард Пис утверждал, что литература, особенно русская, — это магическое зеркало, которое вступает в диалог с читателем, то есть не только отражает действительность, но и создает ее, влияет на появление новых идей, которые затем претворяются в жизнь, иногда радикально ее меняя [19, 2]. При изучении истории нам подчас достаточно погрузиться в художественную литературу изучаемого периода, чтобы почувствовать изнутри, чем жил и чем дышал тогдашний человек, как было устроено современное ему общество, и как строились отношения между людьми (и институциями). Более того, это не столько даже достаточное условие, сколько и необходимое, ибо, не познакомившись с художественной литературой соответствующего периода, мы так и не сможем прочувствовать до конца ни время, ни эпоху, ни нравы, а останемся лишь в мире сухих фактов и цифр, которые не задержатся в нашей духовной памяти.

⁴ Строго говоря, Гете имел в виду математику, хотя ясно, что речь тут идет о любой естественной науке.

Как говорил Иосиф Бродский в своей Нобелевской речи, «произведения искусства, литературы в особенности и стихотворение в частности, обращаются к человеку тет-а-тет, вступая с ним в прямые, без посредников, отношения. За это-то и недолюбливают искусство вообще, литературу в особенности и поэзию в частности ревнители всеобщего блага, повелители масс, глашатаи исторической необходимости. Ибо там, где прошло искусство, где прочитано стихотворение, они обнаруживают на месте ожидаемого согласия и единодушия — равнодушие и разногласие, на месте решимости к действию — невнимание и брезгливость. [...] Будучи наиболее древней — и наиболее буквальной — формой частного предпринимательства», искусство «вольнo или невольнo поощряет в человеке именно его ощущение индивидуальности, уникальности, отдельности — превращая его из общественного животного в личность. Многое можно разделить: хлеб, ложе, убеждения, возлюбленную — но не стихотворение, скажем, Райнера Марии Рильке» [3].

Эти прямые, без посредников, отношения часто оказываются более эффективными и при попытках научить, при транслировании информации, при передаче опыта — иными словами, искусство вносит непосредственный и неоценимый вклад в образование, в воспитание разносторонней, глубокой личности. Как уже упоминалось, этому феномену посвящено большое количество специальной литературы, и хотя практика в данном случае не совсем поспевает за теорией, но польза от непосредственного интегрирования искусства в преподавание самых разных дисциплин представляется бесспорной. Гораздо менее изучена и не столь очевидна правомерность и перспективность внедрения искусства в научный дискурс. Ниже мы, в частности, покажем на примерах, как и почему искусство может и должно быть введено в дискурс гуманитарных наук.

ВНЕДРЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА В НАУЧНУЮ И ПЕДАГОГИЧЕСКУЮ ПРАКТИКУ. МЫСЛИ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Искусство и педагогика. Фазиль Искандер был убежден, что «человек, прочитавший “Преступление и наказание”, гораздо менее способен убить другого человека, чем человек, не читавший этого романа» [9, 340]. Наши собственные исследования подтвердили эту

мысль на практике, показав, что те, кто читает Достоевского и других русских классиков, в меньшей степени склонны к нарушению закона [5, 132–144]. В результате мы рекомендовали интенсифицировать изучение классической литературы в школе. Более того, как было сказано выше, мы считаем, что искусство в широком смысле (не только литература, но и изобразительное искусство, и музыка, и другие художественные формы) должно быть частью преподавательской практики в гуманитарной сфере — в истории, обществоведении и других предметах этого ряда.

Так, например, картина Репина «Бурлаки» и в целом картины художников-передвижников расскажут нагляднее о жизни и страданиях бедных людей, чем учебник истории. Ибо искусство позволяет соприкоснуться с изучаемым предметом не умозрительно, а эмоционально, если угодно — не теоретически, а практически, задействуя не только разум, но и чувства, всю личность целиком.

В равной степени при изучении истории ранних славян очень плодотворен показ учащимся революционного балета Стравинского «Весна священная», переносящего зрителя в мир языческих обрядов не умозрительно, а чрезвычайно действенно (в этой связи уместно было бы обсудить и столь бурную негативную реакцию зрительного зала на премьеру этого балета в Париже в 1913 году). А вот легендарный фильм «Андрей Рублев» Андрея Тарковского незаменим для погружения в историю Киевской Руси, особенно периода татаро-монгольского нашествия.

Безусловно, при таком подходе необходимо и обсуждение проблем рецепции, куда входит и культурный, и политический контекст, те идеологические и цензурные (или самоцензурные) рычаги, которые могли повлиять на художника при создании его произведений. Важна и более общая историческая и индивидуальная повестка. Так, например, известно, что Александр Солженицын критиковал фильм Тарковского, говоря, что там нет никакой исторической правды и сведения, известные нам о Киевской Руси, столь ограничены, что любые наши реконструкции будут спекуляцией. Тем не менее «Андрей Рублев» входит в первую десятку мировых шедевров, и действие его на зрителя бесспорно велико, как и затронутые в фильме вечные экзистенциальные вопросы. И важно понимать, что даже если образ Руси, воссозданный художником, отличается от подлинного (чего мы, по сути, знать не можем), то он в любом случае

отражает представления глубоко русского сознания, основанные на ценностях народа, сформировавшихся на протяжении тысячелетнего развития русской идентичности. То есть создатель этого кинематографического шедевра надстраивает некую художественную проекцию над скудными историческими фактами, но делает это так, чтобы сохранить культурную преемственность, чтобы воссоздать целостность нравственно-ценностной цепочки. Как думал студент-семинарист из известного рассказа Чехова, одного из наиболее любимых самим автором: «Прошлое [...] связано с настоящим непрерывною цепью событий, вытекавших одно из другого. И ему казалось, что он только что видел оба конца этой цепи: дотронулся до одного конца, как дрогнул другой» [12].

Тем не менее необходимо отдавать себе отчет в том, что в каждом случае мы действительно имеем дело с интерпретацией, то есть во многом с мифологией. Фактор субъективности отрицать не приходится, как не приходится его отрицать и в отношении гуманитарной сферы в целом. Но здесь мы уже заходим в пределы философии, ибо и всю культуру человечества, весь культурный пласт, можно, при желании, назвать одним большим мифом, эфемерной оболочкой, надстроенной над животной природой человека, как делает, по сути, фрейдизм (или атеистическое, материалистическое сознание в целом). Тогда как сознание религиозное признает культурно-нравственные ценности вполне объективной реальностью, данной нам в ощущениях. Ибо религиозный человек ощущает существование любви, правды, совести и тому подобных сущностей так же осязаемо, как материалист ощущает наличие стола или стула. Тем не менее, как бы ни относиться к культуре в целом, невозможно избавиться от необходимости интерпретаций с их субъективной природой или, иначе говоря, от мифотворчества, скажем, в исторической науке, что приводит к возникновению различных, часто полемизирующих друг с другом школ. Но это вполне нормальное явление, и оно не влияет на проводимый нами постулат о пользе междисциплинарного подхода. И даже если действительность, отображенная в искусстве, предстанет как борьба различных мифов, в конечном счете это только углубит наши представления об изучаемом предмете.

Кроме того, как мы показали в другой нашей работе [4, 34–46], искусство можно рассматривать и как фактор жизнестойкости, как

внутреннюю опору личности, ибо «потеряв многое, почти все, культурный человек, по сравнению с обычным, крепче в сопротивлении жизненным обстоятельствам. Богатства его хранятся не в кубышке, а в банке мирового духа. И многое потеряв, он может сказать себе и говорит себе: «Я ведь еще могу слушать Бетховена, перечитать “Казаков” и “Войну и мир” Толстого. Далеко не все потеряно» [9, 340]. Это целительное и жизнеутверждающее свойство искусства, безусловно, также играет неопценимую роль в формировании личности учащегося. В этом смысле, как мы утверждаем в статье, катарсис как очищение и возвышение души в результате острого переживания, вызываемого искусством, вообще говоря, служит укреплению жизнестойкости. Об этом, в частности, рассуждают и авторы сборника, изданного Государственным Институтом Искусствознания, о витальности искусства [6]⁵. Они снова задаются вопросом о роли страдания, обсуждая, «что способно дать современному человеку даже ранящее его искусство? Как получается, что за почти намеренными выступлениями художника “против человека”, настроениями крушения и безысходности, искусство представляет собой явление, способное привязать человечество к жизни?» (Кривцун). При этом утверждается, что «само понятие витальности можно поставить в один ряд с такими понятиями, как жизненные силы, энергия, мощь саморазвития» (Сальникова) и отмечается, например, «живительная энергия музыки» (Лукина).

Искусство и научный дискурс. Перейдем теперь непосредственно к обсуждению междисциплинарного подхода в научных исследованиях в гуманитарной сфере и того неопценимого вклада, который можно извлечь из привлечения искусства к этим исследованиям. Как мы увидим из примеров ниже, такой подход, использование литературы, кинематографа и изобразительного искусства (например, в социологии и гендерных исследованиях), является крайне полезным.

Так, изучая определенную общественную проблематику, например развитие феминизма в России, мы можем наиболее продуктивно отследить изменение гендерных ролей и стереотипов, динамику в отношениях мужчин

и женщин в профессиональной сфере и тому подобные явления, рассматривая примеры из художественной литературы и кино, причем с вовлечением даже продукции массовой культуры. Так, мы видим, что в фильмах о послевоенных годах — «Место встречи изменить нельзя» или в сериале «Ликвидация» — героями являются мужчины, а удел женщин — понимать их и любить. В фильмах о 1950-х и 1960-х годах в сериалах подобного жанра — о работе уголовного розыска — уже появляется героиня-женщина, которая выступает в роли эксперта. И хотя ее роль все еще вспомогательная, а мужчины в погонах при этом, как и прежде, руководят всем, но ее работа им тоже необходима и оказывает неопценимую помощь. В книгах и фильмах Александры Марининой главной героиней уже выступает женщина-интеллектуалка. Здесь мы видим качественно иную картину — мужчины-опера бегают, выслеживают и ловят преступника, но мозгом всех операций является женщина. В последние годы появилось немало популярных сериалов подобного детективного жанра, где женщина вообще является главным лицом, и все остальные персонажи ей подчиняются. При этом она еще и сохраняет свою женственность, будучи красавицей и одновременно матерью, воспитывающей детей, и в нее влюблены все окружающие. Все эти сериалы и книги очень популярны и любимы народом. И все они отражают дух времени и изменения в гендерной ситуации, показывают, как меняется роль женщин в обществе. Использование этого не научного (а медийного и художественного) материала позволяет, вопреки возражениям многих исследователей из феминистского лагеря, глубже понять положение вещей в исторической перспективе и не только дополняет научный дискурс по изучению феминизма, но и служит своего рода камертоном, выверяющим правильность научных выводов.

Нашу собственную работу по теме маскулинности в постсоветской России мы назвали «Новый русский мачо между литературой и жизнью» [21, 429–446], тем самым подчеркивая неразрывность этих двух ипостасей: реальной и литературной. Нашей целью было проследить влияние социокультурных сдвигов, вызванных серьезными потрясениями как мировой, так и национальной истории, на ментальность и семиотику поведения нового поколения русских мужчин, ориентированных на грубую силу. В своей работе мы намеренно опирались не только на примеры из жизни, но и на литературные произведения

⁵ Мы ссылаемся на следующие статьи из этого сборника: Кривцун О. А. Введение в тему. С. 309–312; Лукина Г. У. Живительная энергия музыки. С. 324–330; Сальникова Е. В. Экспрессионизм в кино: энергия отказа от понимания классической гармонии. С. 327–341.

и кино. Именно это позволило сделать более глубокие выводы и затронуть более глубокие, чем просто мачизм, проблемы. Так, изучая во многом автобиографическую прозу молодых писателей, принявших непосредственное участие в «милитаризованной» и «криминализованной» жизни своего поколения, мы сопоставляли литературную типологию с результатами социологических обследований. Несмотря на определенную преемственность с советскими временами, герои этой новой постсоветской прозы в то же время проявляют черты характера, типичные для классической русской культуры, мало совместимые с этим типом маскулинного дискурса. В результате нашего комбинированного междисциплинарного подхода с применением как социологических, так и культурологических и литературоведческих методов, мы пришли к выводу, что радикальные социокультурные сдвиги, затронувшие перестроечное российское общество, оказались неспособными разрушить более глубокие общечеловеческие ценности.

Важно подчеркнуть, что в данном исследовании было бы трудно, практически невозможно, определить тонкости межличностных отношений, проникнуть в сокровенные сферы духа, используя лишь методы социологических исследований, тогда как художественная литература, по сути, раскрепощает писателя, дает выход подсознательным глубинным движениям его души, снимает табу, присутствующие, скажем, в интервью и официальных беседах. В художественном творчестве писатель обретает возможность многогранно и доподлинно отобразить современность, наполнив ее глубинными переживаниями своих героев. В реальной жизни эти движения души скрыты от посторонних глаз и их намного труднее выявить социологу.

Такой же междисциплинарный подход, хотя и с обращением не столько к художественной литературе как таковой, сколько к автобиографическим беседам, позволил нам провести исследование совсем другого характера — изучить нарративы определенного социального среза мужчин, переживших травму развода [20, 64–78]. И здесь, именно в силу интимной, чувствительной природы самого предмета исследования, помимо чисто социологических методов с применением интервьюирования респондентов, мы также применили, по сути, постмодернистский метод «нарративной психологии». Последняя рассматривает нарративы «как основу для понимания жизни людей и построения смыслов»,

особенно когда «объектом анализа является личный опыт». Поэтому ее обычно применяют к жанрам рассказов о себе, таким как «автобиографии, мемуары, личные истории, даже интервью» [17, 7], ибо «рассказывая о себе», люди осмысливают свой жизненный опыт, создают смыслы, а также конструируют свою собственную [...] идентичность» [там же]. Другими словами, нарративная психология пытается декодировать (то есть деконструировать и собрать заново более «аутентичным» способом) миф о себе, присущий само-рассказам. Ибо, как пишет Фриман, «само-рассказы [...] вместо того, чтобы быть простым вымыслом, за который их иногда принимают, могли бы вместо этого служить постижению именно тех форм истины, которые открываются только в ретроспективе» [там же]. Интересно, что нарративная психология «применяется в основном для изучения нарративов о болезни, которые часто имеют дело с личными травмами, фокусируясь на важных моментах перемен в жизни человека. [...] Такие моменты, как правило, рассматриваются как начало нового пути в жизни и часто описываются как часть “жанра обращения”, который имеет много общего с религиозным обращением», «при этом создаются новые нарративы, которые помогают нам понять жизнь после травм» [15, 196]. Таким образом, для применения этого метода (который сочетает литературоведческий, лингвистический и психологический анализ, то есть опять-таки является междисциплинарным), мы, по сути, обращаемся с материалом интервью как с около-художественным текстом (само-рассказом), требующим интерпретации.

Не менее красноречивым примером является использование мемуаров вкупе с чисто художественной литературой для изучения дуэли как общественно-культурного феномена. Обращаясь к русской классике, от романа XIX века и вплоть до начала века XX, можно проследить, как изменялась сама природа этого явления в контексте истории, как из поединка по защите чести дуэль со временем вырождалась в сознательное убийство. Как отмечает А. Н. Козырев в своем докладе, «в повести “Выстрел” А. С. Пушкина дуэль не заканчивается убийством, хотя могла бы, то же и в романе “Война и мир” Л. Н. Толстого. Однако в рассказе А. И. Куприна “Поединок” дуэль — убийство, хотя все идет по правилам. Поединки не запрещены, напротив, они только что узаконены, но один из дуэлянтов сознательно убивает другого, не хотевшего убивать. Наконец, в пьесе “Три сестры” А. П. Чехова дуэль — циничное

убийство человека, который вынужден следовать неписаным правилам, поскольку принадлежит к дворянскому сословию уже потому, что получил высшее образование» [7]. Более того, чтобы засвидетельствовать естественную, а не насильственную смерть, требуется врач, готовый идти на должностное преступление. Отслеживание эволюции феномена дуэли на примере художественной литературы (и не только русской, но и мировой) используется исследователем для изучения более широкой темы — о жизни элит в глобальном масштабе, ибо дуэль традиционно являлась прерогативой именно высшего сословия. И он также закономерно приходит к выводу о том, что для изучения явлений общественной жизни крайне полезным и даже необходимым является междисциплинарный подход, в котором искусство, в особенности художественная литература, играет не последнюю, а часто и ведущую, роль.

Еще один пример — это аннотация к выставке портрета Серебряного века «Зеркало души», прошедшей в Москве с 22 марта до 9 июля сего года, проводящая мысль о ключевой роли художественного образа, искусства в целом, для понимания духа, идей и смыслов той или иной эпохи: «Парсуна — Портрет — таким был уникальный путь зарождения светского портрета в России. При том, что ни в одном другом изобразительном жанре нет такого придиричвого сравнения с натурой, портрет никогда не был просто отображением конкретного лица, он всегда наполнялся большим содержанием. Каждая эпоха выделяла в образе человека свои определенные качества, создавала представление о личности, в которой выражался идеал эпохи. Живописный образ неизменно транслирует ключевые идеи и ценности своего времени. Несмотря на то, что человек на портрете обычно молчит, это молчание красноречиво. И зачастую кажется, что не только зритель пристально всматривается в образ на холсте, но и лицо с картины как будто приглашает нас к диалогу» [1]. Здесь уместно будет добавить и мысли Юрия Лотмана о сопоставлении нехудожественной фотографии и живописного портрета. Фотография, как отмечал Лотман, интересна только тем, кто знает запечатленного на ней человека, и в исторической

перспективе потеряет свою ценность. Портрет же «в отличие от фотографии не перестанет возбуждать интерес», ибо «художник внес на полотно столько жизни, столько наблюдений, что портрет сам сделался “как бы живым”»: глядя на него, мы можем вообразить себе человека, которого никогда не видали, представить себе его характер, историю жизни — он как бы делается нашим знакомым. Изображенный на нем человек получает новую, посмертную, жизнь в умах, сердцах, культуре последующих поколений» [10, 104]. И позволяет нам хоть ненадолго, но почувствовать себя его современниками, то есть погрузиться в иную эпоху благодаря таланту давно ушедшего художника.

В таких случаях мы также чувствуем, что картина принадлежит вечности, ибо «истинный талант ту или иную картину жизни умеет осветить светом вечности. [...] Нас радует и обнадеживает двойственность ее существования. Картина нас радует здесь, потому что одновременно там. Она ровно настолько радует здесь, насколько она там. Мы чувствуем, что красота вечна, что душа бессмертна, и наша собственная душа радуется такому шансу» [9, 345].

Таким образом, пронизывая гуманитарное пространство светом искусства, мы не только приближаем и оживляем знакомство с предметом, выводя его далеко за формальные рамки, но и прикасаемся к вечности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подытоживая, можно сказать: как наши собственные исследования, так и научная и педагогическая практика других ученых, имеющих дело с гуманитарной сферой и образованием (равно как и мысли об определяющей роли искусства самих его творцов), настойчиво демонстрируют чрезвычайную ценность междисциплинарного подхода, когда искусство становится неотъемлемой частью научного и педагогического процессов. И мы надеемся, что применение такого междисциплинарного подхода с вовлечением искусства в научный дискурс будет только развиваться и набирать популярность в науке и практике, чтобы в конечном счете необратимо утвердиться в глобальном масштабе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Артефакт-Галерея. Выставка портрета Серебряного века «Зеркало души», Москва, 22 марта – 9 июля 2023: URL : https://artefact-gallery.ru/mirror_of_soul?ysclid=lkxvkzjfjog369557248 (дата обращения: 20 июня 2023)

2. Бушмакина Ю. Междисциплинарный подход в современном историческом знании //

- КиберЛенинка (cyberleninka.ru). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvivayushchie-vozmozhnosti-iskusstva-v-kontekste-sovremennogo-obrazovatel'nogo-protssesa/viewer> (дата обращения: 20 июня 2023)
3. *Бродский И.* Нобелевская лекция. URL : NobelPrize.org (дата обращения: 20 июня 2023)
 4. *Винокурова Н., Табачникова О.* Искусство как фактор жизнестойкости // Искусствознание: наука, опыт, просвещение. Научно-исследовательская серия. Вып. 3. / ред.-сост. Г. У. Лукина, А. Н. Хахалкина. М. : Государственный институт искусствознания, 2023. 408 с.
 5. *Винокурова Н., Табачникова О.* Роль литературы и гуманитарного образования в социо-экономическом поведении российской молодежи // Художественное образование и наука. № 3 (24). 2020. С. 132–144.
 6. Витальность искусства: подходы к исследованию. Дискуссия // Художественная культура. 2021. № 1. URL: http://artculturestudies.sias.ru/upload/iblock/f7b/hk_2021_1_304_353_discussion.pdf (дата обращения: 15 июня 2023)
 7. Выступление А. Н. Козырева, зам. директора ЦЭМИ РАН, на заседании Ученого совета 23 мая 2023. URL: news.myseldon.com/ru/news/index/283624810 (дата обращения: 20 июня 2023)
 8. *Гегузин Я. Е.* Капля. М. : Наука, 1977. 176 с.
 9. *Искандер Ф.* Ласточкино гнездо. Проза. Поэзия. Публицистика. М. : Фортуна Лимитед, 1999. 435 с.
 10. *Лотман Ю. М.* Учебник по русской литературе для средней школы. М. : Языки русской культуры, 2001. 255 с.
 11. *Чехов А. П.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Т. 2. М. : Наука, 1975. 582 с.
 12. *Чехов А. П.* Студент. URL : (ilibrary.ru). (дата обращения: 15 июня 2023)
 13. *Шестов Л. И.* Афины и Иерусалим. URL: (lib-king.ru). (дата обращения: 15 июня 2023)
 14. *Berlin I.* The Magus of the North. J. G. Hamann and the Origins of Modern Irrationalism. London: Fontana Press, 1994. 143 p.
 15. *Bull A.* Cento. Italian Neofascism: The Strategy of Tension and The Politics of Non-Reconciliation. Oxford; New York: Berghahn, 2007. 196 p.
 16. *Darling D. J.* The Universal Book of Mathematics. John Wiley and Sons, 2004. P. 359–367.
 17. *Freeman M.* Rewriting the Self: History, Memory, Narrative. London; New York: Routledge, 1993. 262 p.
 18. *Goethe J. W. von.* Maximen und Reflexionen, ed. Max Hecker. Weimar, 1907. No. 608. 172 p.
 19. *Peace R.* Russian Literature and the Fictionalisation of Life. Hull: The University of Hull, 1976. 18 p.
 20. *Tabachnikova O., Vinokurova N.* Making Sense of the Past Trauma in Narratives of the Self: Moral Space of Self-Interpretation // Torun Social Science Review. 2016. No. 1 (1). P. 60–72.
 21. *Tabachnikova O., Vinokurova N.* New Russian “Macho” between Literature and Life // The Palgrave Handbook on Women and Gender in Twentieth-Century Russia and the Soviet Union. Palgrave Macmillan, 2018. P. 429–446.

REFERENCES

1. Mirror of the Spirit. Portraits and Images in Russian Art : exhibition. Moscow, 2023, March 22 — July 9: *Artefakt-Galereiya [Artifact-Gallery]*. (In Russian). Available at: https://artefact-gallery.ru/mirror_of_soul?ysclid=lkxvkzjfjog369557248 (accessed: 20.06.2023)
2. *Bushmakina Yu. V.* Mezhdistsiplinarnyi podkhod v sovremennom istoricheskom znanii [An Interdisciplinary Approach and Contemporary Historical Knowledge]. (In Russian). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvivayushchie-vozmozhnosti-iskusstva-v-kontekste-sovremennogo-obrazovatel'nogo-protssesa/viewer> (accessed: 20.06.2023)
3. *Brodsky Joseph.* Nobelevskaya Lektsiya [Nobel Lecture]. (In Russian). Available at: NobelPrize.org. (accessed: 20.06.2023)
4. *Vinokurova N., Tabachnikova O.* Art as a Factor of Resilience. *Iskusstvoznanie: nauka, opyt, prosveshchenie [Art Studies: Science, Experience and Enlightenment. Series: Academic Research]*. Moscow, 2023. Vol. 3. 408 p. (In Russian).
5. *Vinokurova N., Tabachnikova O.* The Role of Literature and Humanitarian Education in Socio-Economic Behaviour of Russian Youth. *Khudozhestvennoe obrazovanie i nauka [Arts Education and Science]*. 2020, no. 3 (24). P. 132–144. (In Russian)
6. Vitality of Art: Approaches to Research. Discussion. *Khudozhestvennaya kul'tura [Artistic Culture]*. 2021, no. 1. (In Russian). Available at: http://artculturestudies.sias.ru/upload/iblock/f7b/hk_2021_1_304_353_discussion.pdf (accessed: 15.06.2023)
7. Выступление А. Н. Козырева, зам. директора ЦЭМИ РАН, на собрании Учен-

- nogo soveta 23 maya 2023 [Speech by A. N. Kozyrev, Deputy Director of the Central Economic Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences, at the Meeting of the Academic Council on 23 May 2023]. (In Russian). Available at: news.myseldon.com/ru/news/index/283624810 (accessed: 20.06.2023)
8. Geguzin Ya. Ye. Kaplya [A Drop]. Moscow, 1977. 176 p. (In Russian)
 9. Iskander F. Lastochkino gnezdo. Proza. Poeziya. Publitsistika [Swallow's Nest. Prose. Poetry. Journalism]. Moscow, 1999. 435 p. (In Russian).
 10. Lotman Yu. M. Uchebnik po russkoi literature dlya srednei shkoly [Textbook on Russian Literature for Secondary School]. Moscow, 2001. 255 p. (In Russian)
 11. Chekhov A. P. Polnoe sobranie sochinenii i pisem [Collected Works and Correspondence : in 30 vol.]. Vol. 2. Moscow, 1975. 582 p. (In Russian)
 12. Chekhov A. P. Student [The Student]. (In Russian). Available at: ilibrary.ru. (accessed: 15.06.2023)
 13. Shestov L. Afiny i Ierusalim [Athens and Jerusalem]. (In Russian). Available at: libking.ru (accessed: 15.06.2023)
 14. Berlin I. The Magus of the North. J. G. Hamann and the Origins of Modern Irrationalism. London, 1994. 143 p. (In English)
 15. Bull A. Cento. Italian Neofascism: The Strategy of Tension and The Politics of Non-Reconciliation. Oxford; New York, 2007. 196 p. (In English)
 16. Darling D. J. The Universal Book of Mathematics. 2004. P. 359–367. (In English)
 17. Freeman M. Rewriting the Self: History, Memory, Narrative. London, New York, 1993. 262 p. (In English)
 18. Goethe J. W. von. Maximen und Reflexionen [Maxims and Reflections]. Weimar, 1907, no. 608. 172 p. (In German)
 19. Peace R. Russian Literature and the Fictionalisation of Life. Hull, 1976. 18 p. (In English)
 20. Tabachnikova O., Vinokurova N. Making Sense of the Past Trauma in Narratives of the Self: Moral Space of Self-Interpretation. *Torun Social Science Review*. 2016, no. 1 (1). P. 60–72. (In English)
 21. Tabachnikova O., Vinokurova N. New Russian “Macho” between Literature and Life. *The Palgrave Handbook on Women and Gender in Twentieth-Century Russia and the Soviet Union*. 2018. P. 429–446. (In English)

Информация об авторах:

Винокурова Н. А. — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центрального экономико-математического института Российской академии наук.

Табачникова О. М. — доктор философии, доцент факультета психологии и гуманитарных наук университета Центрального Ланкашира (Великобритания).

Information about the authors:

Vinokurova N. A. — Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher.

Tabachnikova O. M. — Doctor of Philosophy, Reader (Associate Professor) at the School of Psychology and Humanities (United Kingdom).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20 июля 2023 года; одобрена после рецензирования 19 августа 2023 года; принята к публикации 21 августа 2023 года.

The article was submitted July 20, 2023; approved after reviewing August 19, 2023; accepted for publication August 21, 2023.

